Речь пойдет о смысле жизни.

Когда-то давно, в юные послестуденческие годы, вопрос о смысле жизни представлялся мне крайне мудреным, элитарно-философским и совершенно непонятным.

"Смысл жизни"? Что-то такое туманное и высокопарное, некая странная надбавка к обычному человеческому существованию, которое протекает в заботах и хлопотах, в стараниях достичь то одной, то другой вполне ясной цели. Жизнь богата и увлекательна, в ней столько интересных вещей, которые надо понять и прочувствовать: надо стать хорошим преподавателем, найти свою любовь, посмотреть мир... Размышление о дополнительном и как бы парящем над жизнью общем "смысле" выступало для меня чем-то вроде средневекового спора о том, сколько ангелов удержится на острие иглы...
Со временем, проходя один за другим этапы собственного жизненного пути, читая книги, посвященные смыслу, я стала понимать, что тема смысла жизни не относится к разряду элитарных забав, к области изысканной "игры в бисер". Смысл жизни - самая насущная вещь на свете, хотя выразить его в словах очень и очень трудно, ибо его содержание не полностью вмещается в рациональные формы, отчасти сливаясь с самой жизнью, ее малыми и большими заботами. Он совпадает с желанием жить, с настроением и общим эмоциональным тоном. Смысл жизни - не реестр даже самых высоких и достойных задач (хотя может включать в себя эти высокие задачи), это - состояние сознания, позволяющее человеку справляться с трудностями, преодолевать препятствия и в полной мере радоваться собственному бытию. Такое значение термина "смысл жизни" лучше всего узнаешь из личного опыта, ибо теоретическое знание не дает постигнуть его во всей полноте.
Кроме того, я поняла, что даже мыслящий человек совсем не обязательно задумывается о смысле своего бытия. Здесь неуместен философский ригоризм, требующий от каждого неутомимой рефлексии. К вопросу о смысле человек приходит, как правило, не от хорошей жизни: абсолютное большинство смысложизненных раздумий спровоцировано хотя бы кратковременной смыслопотерей. Люди, в судьбе которых никогда не терялся смысл, которые ни разу не выпускали из рук его животворящей нити, занимаются чем угодно, кроме размышлений о смысле: строят дома, рожают и растят детей, воюют, пишут стихи. Смысл со всей обоймой его положительных переживаний, быть может, задан им культурой или передан семьей, или они сами нашли его на витиеватых путях индивидуального развития, но в любом случае он есть, имеется в наличии. И тогда нет нужны искать его или намеренно подвергать анализу собственную эмоционально-смысловую сферу, как незачем пристально обследовать здоровый, хорошо функционирующий организм.
Я согласна с В. Франклом в том, что поиск смысла жизни - не невроз, но это и не обязательная задача, которую должен выполнить каждый.
Поиск смысла возникает по мере необходимости, и так происходит даже у философов, которые, казалось бы, должны раздумывать о подобных вопросах в силу своей

профессии. Человек ищет смысл, когда мир побуждает его делать это, а случается это достаточно часто, в особенности, когда череда социокультурных кризисов вызывает серию кризисов экзистенциальных.
Но что мы имеем в виду, говоря о смысле жизни? Речь идет о системе значимых ориентиров, которые оборачиваются мотивами нашей деятельности и поведения, а также сохранения и воспроизведения самой нашей жизни (это именно система ориентиров, так как сосредоточенность на одном-единственном ориентире свидетельствует, на мой взгляд, о существенной патологии). Смысл жизни может быть субъективным или интерсубъективным, но никогда - объективным в смысле объективности как независимости от внутреннего мира.
Как отмечают многие авторы, пишущие о смысле, феномен смысла близок к феномену цели, но не совпадает с ним. Цель - образ желаемого будущего, а смысл - это значимость чего-либо для нас: в данном случае значимость самой жизни, собственного я, коммуникации, окружающего мира. В определенном отношении цель производна от смысла: я хочу от будущего не чего попало, а того, что много для меня значит, что имеет важный смысл. Впрочем, смысл, в свою очередь, может актуализироваться и пробуждаться поставленной целью.
Смысл жизни, как я его понимаю, всегда помещает нас в систему отношений с окружающей действительностью, он всегда связан с "трансцендированием" (В. Франкл) и отвечает на вопросы "зачем?", "ради чего?"
Задача этой статьи - показать смысл жизни как особое чувство, как состояние внутреннего мира, которое не может быть сведено к своей содержательной, рационально-выразимой составляющей, к одному лишь сознательному поиску системы целей. Можно сказать, речь пойдет о внерациональной природе смысложизненных переживаний, которые во многих случаях могут быть лишь косвенно инициированы. Интенциональный характер смысла являет себя прежде всего в своеобразных переживаниях и лишь потом рефлексируется, получая отчетливый образ и понятийное выражение.
Итак, смысл жизни - это не только совокупность значимых содержаний, но прежде всего характер нашего актуального отношения к этим содержаниям, когда значимость выражает себя в наличных здесь-и-сейчас позитивных эмоциях.
В книге Ирвина Ялома "Экзистенциальная психотерапия" автор приводит ряд, как он говорит, секулярных действий или состояний действия, которые дают человеку ощущение жизненной цели. Ялом подчеркивает, что речь идет о проблеме смысла жизни у людей неверующих, не приобщенных к сакральному космическому смыслу. Он также говорит о цели, а не непосредственно о смысле. В качестве целей, инициирующих актуализацию смысла, он называет следующие моменты: альтруизм (сделать мир лучше для жизни, служить другим, участвовать в благотворительности и т.д.); преданность делу, творчество, гедонизм, самоактуализацию, трансценденцию. Речь идет также о наличии миссии, которую необходимо воплотить.
Трудно не согласиться с автором в том, что все эти значимые цели и ценностные явления составляют (или могут составить) содержательную сторону смысложизненного переживания. Однако столь же очевидно, что без эмоционального вклада со стороны самого субъекта, без его живого отклика все эти значимые ценностные программы останутся только схематикой, функционирующей в обезличенных пластах поля интерсубъективности. Ценности и ценностные программы, пока они не стали

"личностным смыслом", не оживлены и не одушевлены индивидуальной субъективностью, являют собой лишь более или менее удачные декларации. Действительно, для одних людей альтруизм способен дать жизненный смысл, а другие отнесутся к нему критически или безразлично. Для того, чтобы одушевить свою жизнь преданностью делу, надо сначала обрести такое дело, которое способно зажечь твое воображение и вызвать позитивный отклик. Если бы найти такое дело было просто, проблемы смысла жизни просто не существовало бы. То же самое относится к самоактуализации. Ее пути или не обретаются вовсе, или обретаются спонтанно и в этом редко участвует рационально промысленная программа. На путях самотрансценденции (выход за пределы интересов своего "я") возникает препятствие в виде атеистическо-нигилистического соображения "все равно все помрем", а гедонистический смысл плохо доступен людям со слабым здоровьем. То есть сама по себе ценностная программа слаба без нашей очарованности ею, без страсти и воображения, без горячего интереса, который рождается из таинственных глубин личности. Смысл жизни вспыхивает на пересечении ценностно-мотивационных программ и личного переживания, и он горит ровным и неугасимым пламенем, пока не изменяется ни первый, ни второй его компонент.

То, что смысл жизни - это не только "мысль о жизни", говорят многие исследователи смысла. В своей интересной фундаментальной работе "Психология смысла", содержащей обстоятельный обзор точек зрения на смысл, Д.А. Леонтьев пишет: "Среди представлений разных авторов о внутреннем строении и динамике смыслов трудно выделить общие положения, за исключением идеи ситуативной изменчивости смысла и зависимости его от актуального состояния субъекта (К. Левин, Л. Нистедт, Э. Петерфройндт) и подчеркивания того, что смысл не всегда понятийно репрезентирован, не всегда осознан и не всегда может быть четко выражен доступными средствами (З. Фрейд, А. Адлер, В. Франкл, Л. Томас и Ш. Харри-Аугстайн, Дж. Гинзбург)" [2, с. 78.]. В данном случае подчеркивается именно внерациональное бытие смысла, его неоднозначная связь с логическими и вообще вербальными формами. Другой автор, Г. Буркхардт, прямо говорит о чувственно-эмоциональной природе жизненных смыслов: "Мы существуем во взаимодействии с миром и друг с другом, и это взаимодействие является в своей основе не духовным, а чувственно-физиономическим. Есть лишь один смысл жизни, которому присуща нерефлектирующая естественность, смысл, который каждый чувствует, смысл, который имеет отношение к живому - растениям, животным, людям. Прочувствовать этот смысл - достаточно увлекательное приключение..." [1, с. 139]. И далее: "Смысл жизни нельзя постигнуть, его можно лишь чувствовать" [1, с. 140]. Что же чувствуем мы, когда переживаем наличие жизненного смысла? Попытаемся ответить на этот вопрос, описывая совокупность смыслосозидающих переживаний, предъявляя короткую феноменологию эмоциональных форм, в которые облечены ценностные ориентиры.

1. Наличие смысла жизни выражается в переживании интереса к миру, к людям и к себе самому. Чувство интереса каждый из нас хорошо знает по собственному опыту, хотя описать его достаточно сложно. В "Философском энциклопедическом словаре" "интересное" определяется как "то, что возбуждает и удерживает наше внимание, потому что оно имеет позитивное или негативное значение для наших практических или теоретических потребностей" [3, с. 183]. Переживание интереса - это переживание некоего эмоционального и ментального притяжения со стороны того или иного

фрагмента реальности, притяжения неуклонного и возбуждающе-приятного. Чувство смысла включает в себя интерес как свое внутреннее содержание, которое пробуждает человека от большего или меньшего равнодушия, выводит из психологической дремоты. Смыслонаполненно и интересно - практически одно и то же. Когда человек говорит: смысл моей жизни в том, чтобы вырастить детей (отравить жизнь недругу, разрушить Карфаген, открыть новые законы Вселенной, спасти побольше бездомных котов и т.д.), это значит, что он пристально и неотступно интересуется детьми, недругом, Карфагеном, наукой, котами и старается так или иначе повлиять на их бытие. Притяжение того или иного фрагмента реальности переживается в интересе как наша собственная интенция, как субъективное стремление, принимающее в поведении практические формы. Иметь смысл жизни - значит стремиться воплощать свои интенции в каких-то конкретных поступках, переживаниях, мыслительных акциях.
Смысл жизни может быть связан с интересом к самым разным вещам, в идеале он включает целую совокупность устремлений, некую интегральную целостность, в которой взаимосвязаны пробуждающие наше внимания ценности личности. Однако порой интерес в силу обстоятельств концентрируется на одной какой-либо сфере жизни, и она становится смыслообразующей. Так, человек, который в силу состояния здоровья лишен интереса к чувственно-физической стороне бытия, может обрести полноту смысла в теоретическом познании, которое остается ему доступным, или в утверждении некой идеологии (примеры тому - ученый Стивен Хокинг и писатель Николай Островский). Природа смыслообразующего интереса остается до конца не понятной. Почему нечто становится для нас интересным? Именно для нас и именно это? Конечно, не все определяется здесь социокультурными стандартами, здесь важно индивидуальное предпочтение, и все же - каков механизм возникновения смыслосозидающего интереса? Весьма примечательно рассуждение об интересном М. Эпштейна. Он говорит прежде всего об интересном в теории: "Самая интересная теория - та, что наиболее последовательно и неопровержимо доказывает то, что наименее вероятно. Например, вероятность того, что человек воскреснет после смерти, исключительно мала, и теория, которая убедительно доказала бы возможность воскресения, была бы в высшей степени интересна" [5, с. 214]. Однако, как понять интересное, если речь идет не о теории, а о повседневной реальности?Видимо, смыслонаполненный интерес возникает тогда, когда то, что для нас значимо, присутствует в нашей жизни, но его присутствие недостаточно и не может вызвать пресыщения. Эта недостаточность ценимых нами благ, их всегдашняя нехватка и будит интерес-смысл, направляет луч внимания на "драгоценное-вечно-недостающее". Нехватка истинного знания, деятельного самоутверждения, любви, а также чего угодно иного зажигает в душе смысловой огонь, делает то или иное явление бесконечно интересным, а вместе с ним в большей или меньшей степени интересной становится и вся остальная жизнь.

2. Второй эмоционально-чувственный момент, свойственный наличию смысла жизни - это ощущение будущего. Осуществление смысла-интереса практически невозможно вне времени, оно требует переживания темпоральной открытости. Чувство перспективы в яркой форме присуще детству. Хотя человек не знает, сколько он проживет, в детстве он отчетливо переживает виртуально существующую перед ним вереницу лет, "долгую и прекрасную жизнь". Поэтому в детстве, если исключить рассмотрение психических патологий, люди, как правило, не теряют чувство смысла. Они могут страдать, горевать,

испытывать тяготы, но спектр пока не реализованных манящих возможностей остается, и он дает ощущение надежды и смысла, который манит к себе из будущего.
Впрочем, переживание темпоральной перспективы как важнейшей составляющей смысла жизни возможно в любом возрасте. И в девяносто лет человек может строить планы и воспринимать жизнь как долгое и увлекательное путешествие.

3. Третий момент, характеризующий чувство смысла жизни - это спонтанное ощущение радости и эмоционального подъема. Собственно, радость как таковая - вообще явление, связанное со смыслом, с осознанием причастности к значимому, с продуктивной деятельностью (Э. Фромм). Смысл жизни и радость неразделимы.
Если, схватывая смысл конкретной неблагоприятной для нас ситуации, мы можем огорчиться, расстроиться или разгневаться, то чувствуя, что наша жизнь имеет смысл, мы неизменно ощущаем радость и подъем. Так происходит даже тогда, когда по содержанию смысл достаточно страшен (отомстить врагу, извести со свету того, кому завидуешь) или непригляден, незавиден (обеспечить своими силами уход за собой, выжить любой ценой).
Не стоит забывать, что и смысл, и радость смысла отнюдь не всегда бывают морально-позитивными. Смысл жизни есть и у людей жестоких, злых, несправедливых, и этим смыслом часто становится утверждение собственной власти, осуществление насилия над другими, реализация собственных садистических желаний. Поэтому и радость, связанная со смыслом, отнюдь не походит в этом случае на блаженное сияние, на мирную благорасположенность. Это злая радость, это грозное утверждение собственных замыслов и стремлений. Конечно, в этом случае мы вряд ли можем говорить о продуктивности во фроммовском смысле. По большому счету подобный смысл и подобная радость "неподлинны", ибо они далеки от гармоничных гуманных отношений с миром. Однако в мире много неподлинного и в то же время вполне реального, поэтому мы не можем сбрасывать со счетов тот факт, что множество людей руководствуются деструктивными смыслами и радуются, переживая осмысленность своей жизни.

4. Четвертым компонентом и формой проявления смыслового переживания является ощущение себя частью целого, важным и значимым компонентом сложной системы отношений - семейных, любовных, государственных, этнических, культурных, космических и т.д. Как мы уже отмечали, смысл связан с трансценденцией - выходом за рамки собственного локального партикулярного "я". Ощущение себя вышедшим за пределы капсулизированного "эго", связанным мириадами нитей с другими субъектами и с миром как гигантским одушевленным образованием совпадает с чувством глубокой осмысленности собственной жизни. Даже самые завзятые эгоцентрики и индивидуалисты имеют некую "референтную группу", "незримый колледж", в рамках которого они видят свое место, ценности которого они разделяют. Этот незримый колледж может существовать только в памяти человека, в его воображении, в текстах культуры, но он непременно должен присутствовать для того, чтобы мы не впадали в состояние бессмысленности и непреодолимого абсурда. Даже полуфантазийный идеал мага-герметика, достигшего полной независимости от всего конечного и земного, включает представление о месте в группе: мы - маги, в отличие от других - простых смертных. Абсолютное одиночество было бы абсолютной смысловой смертью, так как абсолютное внутреннее одиночество не может иметь ни ценностей, ни ориентиров.

Субъективно встроенность в систему отношений может восприниматься как ощущение "уютности мира", его приспособленности для нас и человекоразмерности. Человекоразмерность мира означает непосредственное переживание "своего места под солнцем" как пристойного и значимого, уважаемого и одобряемого. Собственная определенность в понятной системе координат вызывает глубокие положительные эмоции.
Необходимо сказать, что в реально переживаемом нами чувстве смысла интерес, ощущение темпоральной перспективы, радость и уверенность в "своем месте" в мире - слиты воедино. В данном случае мы попытались расщепить чувство смысла так же, как расщепляется через призму свет, начиная играть цветными лучами.
Существование смысла жизни именно в форме чувства, непосредственного переживания очень важно, так как сама природа высших ценностей не дает им возможности постоянно выступать в рациональной, понятийной, четко отрефлексированной форме. Там, где мы вербально выражаем наши высшие смыслы, пытаемся словесно обозначить фундаментальные жизненные цели, мы сталкиваемся с крайней размытостью того, что светит нам из "мира ценностных идей". Каждая высшая ценность оказывается похожа на солнце, которое сияет мириадами лучей, изливает бесконечное множество конкретных образов, самодвижущихся и изменчивых, рождает многомерные миры. Что можно иметь в виду, говоря "я хочу быть счастливым"? Или "я хочу жить интересно"? В каждую такую фразу входит множество уже реализованных и еще не осуществленных возможностей, таких, которые в настоящий момент, быть может, даже невозможно помыслить. Когда я говорю "я хочу быть счастливой", я вольно или невольно имею в виду ситуации, о которых пока не имею представления, которые еще не созрели и не явились в своем завершенном виде. Какие события грядут? Какие обстоятельства или поступки вызовут ощущение счастья?

Что за ценности, быть может, выдвинутся для меня на первый план? Мы меняемся с каждым днем, и нужна недюжинная рефлексия, чтобы отследить в рациональной форме и индивидуально конкретизировать трансформации и меру реализации каждой смысловой интенции.
Но чувство смысла, как индикатор, указывает нам, на верном ли мы пути к воплощению наших ценностей, к их творческой реализации в ходе жизни.
Какие же факторы оказываются способны поддерживать в нас чувство смысла?
В данном случае мы будем говорить о необходимости поддержки в ситуациях, когда человек не переживает сокрушительных ударов судьбы, не переживает тех тяжелых смысловых кризисов, которым посвящена известная книга Ф. Василюка "Психология переживания". Речь пойдет, скорее, о "малых смыслопотерях", которые случаются почти с каждым, независимо от его внешнего жизненного успеха. В просторечье "малые смыслопотери" называют скверным настроением, хандрой, порой - скукой или безосновательной тоской. Часто подобное плохое настроение проходит само, но иногда оно затягивается, окрашивая мир в серые краски бессмысленности, превращая повседневную жизнь в рутину, в череду однообразных дней, которые проходят, оставляя в душе ощущение пустоты.
Если чувство смысла мы описали через характеристики интереса, ощущения будущего, спонтанной радости и нахождения собственной ячейки в социальных и космических "сотах", то облик "малой смыслопотери" характеризуется всеми этими факторами со

знаком минус. Тоска и скука связаны с отсутствием интереса к чему бы то ни было, когда человек действует лишь по обязанности и по привычке, не испытывая от жизни никаких позитивных эмоций, тяготясь необходимостью никчемных усилий. Это безрадостное время, когда будущее видится как тупик, как бесконечный повтор неинтересного "сегодня". Наконец, тоска часто связана с чувством одиночества, с психологическим выпадением из системы отношений с Другими и утратой ощущения причастности к мировому целому.

Пытаясь описать факторы, способствующие восстановлению чувства смысла, я не хочу сказать, что их можно искусственно воспроизвести или легко вызвать к жизни. От этого текста очень далеко до психотерапевтических методик. Я вообще достаточно критически отношусь к стремлению выращивать чувства в искусственной среде тренинговых групп: опыт показывает, что живые чувства, как и дикие звери, в неволе не размножаются. Поэтому моя задача ограничивается лишь указанием на сами факторы, которые чаще всего возникают спонтанно или бывают найдены самим человеком в ходе его личностных поисков. Намеренные поиски нередко дают эффект: уже в давние времена тяжело заскучавшему человеку предлагали сменить обстановку, развлечься, попутешествовать, завести знакомства - т.е. расширить свой кругозор и обрести новые перспективы.

Итак, сам приход в нашу судьбу новых людей, новых обстоятельств и новых событий делает очень важную вещь: будит интерес к жизни, словно за ниточку вытягивающий за собой смысл. На фоне однообразия, повторения, рутины факелами вспыхивают новые встречи, новые пейзажи, новые отношения, которые притягивают к себе внимание, вовлекая человека в коммуникацию с миром. Происходит не только открытие новых обстоятельств и персонажей, но и самооткрытие. Порой роль лекарства от смыслопотери выполняют различные факторы депривации, например, утрата привычных благ. Многократно отмечалось, что в тяжелых ситуациях - во время войн и стихийных бедствий - количество депрессий сокращается, так как смыслом в данном случае автоматически становится само выживание. Этим, видимо, объясняется и страсть некоторых людей к экстремальным видам спорта, к альпинизму, к постоянному самоиспытанию, которое возвращает чувство смысла, утрачиваемое в спокойной обстановке.

Однако, мне хотелось бы указать на более мягкие и вписанные в повседневность моменты, помогающие нам преодолевать "малые смыслопотери".

Первый из них - любовь. "Легко сказать! - может ответить мне читатель, - где же ее взять-то?" Не знаю. Я ведь предупредила, что далека от практических рекомендаций, тем более в вопросах, которые решаются не нами, а некими таинственными инстанциями - Богом, судьбой. Но хочу подчеркнуть: речь идет о той любви, которую чувствуете вы, а не той, которую некто испытывает к вам. То есть хорошо, конечно, когда любовь оказывается взаимной, это самый прекрасный и благополучный вариант, но смысл будит в нас не чужая любовь, а только наша собственная. Такая это вещь - смысл. Он, как известно, не привносится извне. Поэтому чужая любовь, обращенная к вам и не нашедшая в вашей душе отклика, может не радовать, а напротив, тяготить, делать жизнь еще более бессмысленной, ибо нет ничего хуже, чем отбиваться от ненужной чужой страсти.

Конечно, порой и чужая любовь может пробудить нас от эмоционально-смысловой спячки. Она действует первоначально через перестройку нашего ощущения

собственного места в мире. "Я-никому-не-нужный" и "Я-любимый" - два разных положения в бытии. Если я могу создавать для другого человека жизненный смысл или, вернее, быть этим смыслом, то, значит, мое место в сфере коммуникации уважаемо и достойно. Из этого чувства способны родиться и интерес, и спонтанная радость, и вся полнота смысла. Но тогда, скорее всего, мы ответим любящему на его чувство, и смысловое отношение сделается взаимным.

Рождение собственной любви (влюбленности) в другого человека пробуждает в нас живой интерес к действительности, исподволь формирует цели, манит приятными перспективами, вызывает спонтанную радость и дает каждому из нас возможность чувствовать себя полноценным человеком в сообществе себе подобных.

Появление в нашей жизни Любимого перестраивает всю структуру отношений с миром, ибо он становится для нас эмоциональным и смысловым центром, важнейшим пунктом интереса. Любовная интенция есть одновременно интенция интереса, ибо мы встречаемся здесь с чужой очень ценной для нас субъективностью. Душа любимого - тайна, в ней есть для любящего бесконечная глубина, которая не может быть сведена ни к совокупности внешних поведенческих проявлений, ни к реакциям при сексуальной близости, ни даже к словам, которые любимый произносит нам в ответ. Именно поэтому любовное общение является глубоко смыслонапряженным, это длящаяся во времени попытка разгадать загадку, которая не разгадывается по определению.

В связи с любимым человеком обретает смысл и вся остальная жизнь. Мы оказываемся захвачены желанием работать, творить, добиваться благ ради того, чтобы порадовать любимого, создать условия для его развития, чтобы расположить его ко взаимной любви и сохранить эту взаимность. Для любимого человека надо поддерживать собственную внешнюю и внутреннюю привлекательность. Самые простые и рутинные моменты быта и ухода за собой тоже приобретают смысл. Есть ради чего стараться!

Любовь не может жить без надежды, а надежда - это взгляд в будущее. Даже тот, кто влюблен безответно, втайне всегда надеется на чудо: на то, что ему где-то когда-то ответят любовью. А счастливая любовь непременно строит планы, глядит на перспективу через магический кристалл радости.

Конечно, реальная любовь - сложное отношение, она включает взлеты и падения, встречи и расставания, но и борьба воль, и обиды, и примирения, как бы они ни были трудны, все равно наполняют жизнь смыслом, и наличие этого смысла не надо доказывать - каждый, кто хоть раз любил, знает это по себе.

Второй фактор возвращения и сохранения смысла - это проявление любопытства. Причем любопытства в разных его формах. Если человек, погруженный во временную смыслоутрату встрепенулся и с любопытством - познавательным интересом - повернулся к чему-то, дело пошло на лад, смысл возвращается.

Любопытство может быть любознательностью. Уныло глядя в телевизор, можно вдруг заинтересоваться иерархией в стае макак, проблемами НЛО или этническими конфликтами в странах Африки. Можно случайно наткнуться в доме у знакомых на интересную книгу или услышать в радиопередаче нечто привлекшее внимание. В любом случае некое знание становится тем аттрактором, который притягивает внимание, заставляет бежать в библиотеку, исследовать возможности Интернета, искать знакомства, позволяющие поглубже погрузиться в постижение предмета, ставшего смысловым ядром. К сожалению, любознательность - это тот вид любопытства, который не очень часто посещает людей, вышедших из ученического и студенческого возраста,

хотя его смыслосозидающая сила огромна.Гораздо чаще из временной смыслопотери нас выводит знание совсем другого рода, то, которое рождается в коммуникации - это знание о других людях и совершающихся с ними событиях: новости, сплетни, слухи...
Если обратиться к работе М. Хайдеггера "Бытие и время", то мы увидим, что при всем своем желании говорить о любопытстве исключительно как о способе бытия понимания и истолкования он все же не удерживается от его уничижительной оценки. Любопытство и болтовня связаны для него с неподлинностью человеческого существования. "Любопытство везде и нигде, - пишет он. - Этот модус бытия в мире обнажает новый способ бытия повседневного здесьбытия, в каковом способе бытия здесьбытие постоянно лишает себя корней. Болтовня располагает и путями любопытства, она говорит, что надо почитать, что - повидать. Это бытие всюду и нигде, присущее любопытству, препоручено болтовне. Эти два повседневных модуса бытия речи и смотрения с их тенденциями лишения себя корней не просто наличествуют рядом друг с другом, но один из них тут же увлекает за собою другой" [4, с. 37].
Позиция Хайдеггера диктуется тем, что главное отношение для него - отношение человека к бытию, несказуемое переживание, выводящее нас за рамки предметного мира, выразимого на языке дискретных форм. Человеческое оказывается для него "слишком человеческим", слишком мелким, суетным и плоским. Однако, сами люди, погруженные в повседневность и разделяющие все ее ведущие характеристики, черпают свои смыслы именно из того "поверхностного" общения, которое Хайдеггер полагает неподлинным. Что поделаешь, даже мистики не могут жить одними лишь откровениями, тем более что откровение - не перманентное состояние. А уж о нормальном среднем человеке и говорить нечего. Любопытство и болтовня - важнейшие моменты обычной, не претендующей на эзотеризм жизни, и более того - это моменты, которые привносят в наше существование чувство смысла. Быть может, Хайдеггеру эти смыслы не понравились бы, но это уж его частная точка зрения: что, почему и как одушевляет жизнь конкретного человека, во многих случаях остается загадкой для других людей. Как говорится, кому поп, кому попадья, а кому попова дочка.
Наибанальнейшая болтовня, соседское судаченье выполняет важную миссию по отношению к нашей личности: в болтовне "о том, о сем", во-первых, нам подаются наиболее яркие и острые события жизни других людей, способные оживлять наш интерес - а что может быть интереснее, чем другие люди, чужие субъективности, в особенности если они значимы для вас? Когда человеку делаются вовсе не интересны другие люди и их дела, это значит, что психологическая патология зашла далеко и стоит обратиться за профессиональной помощью.
Во-вторых, болтовня всегда предполагает возможность своего продолжения в будущее: поболтали сегодня, поболтаем и завтра - непременно будет о чем! Новости и сплетни не могут быть интересны перед лицом конца света. Они являются "смыслоносительницами" только при условии темпоральной перспективы вернуться к сегодняшнему и отинтерпретировать все заново. Болтовня - всегда опыт интерпретации, перетолкования, а значит - приписывания вариативных смыслов.
Наконец, если с вами начинают болтовню, то это свидетельствует о вашей значимости, вашем высоком статусе в коммуникации. С неприятным, отвратительным человеком обычно не стремятся болтать, его избегают, от него уклоняются. Поэтому сам факт болтовни являет собой род психологического поглаживания. Чувство смысла рождается в болтовне спонтанно: люди значимы для тебя, ты значим для людей, и отсюда следует

эмоционально-смысловой подъем.
Еще один важный способ пробуждения временно уснувшего чувства смысла - это обращение к искусству. В особенности - к художественной литературе, театру, кино, т.е. к тем формам, которые предполагают сюжетную линию. "Малые смыслопотери" связаны с событиями в нашей личной судьбе, это душевный анабиоз, возникший из собственных разочарований, усталости, однообразия дней. Приобщение к чужой судьбе, к ходу чужой жизни, созданной воображением талантливых авторов, оказывается способно временно заполнить эмоционально-смысловые пустоты, подобно тому как некоторые лекарства попросту восполняют отсутствующие в организме гормоны и ферменты. Мы в полном смысле слова начинаем "жить чужой жизнью", переживать чужие чувства, наполняться чужими смыслами, которые в это время воспринимаются как свои. Искусство - всегда возможность прожить чужую судьбу, быть может, совсем не похожую на нашу собственную. Чем более талантлив автор произведения, тем в большей степени он дает нам "пилюли смысла", которые ликвидируют эмоционально-смысловой дефицит и помогают внутреннему миру восстановиться для собственной смыслосозидательной работы.
Разные литературно-художественные произведения добиваются этого эффекта по-разному. Любимый многими жанр детектива, фантастического романа, фэнтези будит наше чувство смысла остротой интриги, необычностью происходящего, притягивает интерес сменой испытаний и побед, которые одерживают главные герои - те самые, с которыми мы вольно или невольно отождествляем себя. В остросюжетных произведениях доминирует содержательный момент, фактор неожиданности, он дразнит ум, вызывая соответствующие чувства: интерес, любопытство, желание понять логику приключения. Иной эффект создают произведения, подобные романам "В поисках утраченного времени" Марселя Пруста или "Алмазный мой венец" Валентина Катаева. Здесь чувство смысла рождается именно как чувство - за счет подробного воспроизведения ярких эмоциональных впечатлений, визуальных образов, "вкусных" деталей, которые переживаешь непосредственно, практически, как факт собственной жизни.
Но чувство смысла может быть пробуждено не только такими позитивными переживаниями, как любовь, нейтральными - как любопытство и болтовня и художественно-фантазийными - как приобщенность к произведениям искусства. Огромный смыслообразующий заряд несет ненависть. Наверное, это не лучший способ возрождать смысл, но в реальности он действует очень часто. В ненависти мир не является гармоничным, он разъят, разорван, изуродован, враждебен. Однако эта враждебность непосредственно взывает к борьбе, к агрессии, к активному целеполаганию и жесткому самопроявлению. Если человека, пребывающего в состоянии временной смыслопотери, очень уязвить, обидеть, отнять у него имеющееся, подвергнуть унижению, то одной из ярких реакций будет восстановление смысла через борьбу с обидчиком. Кстати сказать, многие художественные произведения построены на идее благородной мести, когда главный герой делает смыслом своей жизни стремление отомстить обидчику. Классическим выступает здесь роман А. Дюма "Граф Монтекристо".
В реальной жизни мы видим, что современное поколение молодых людей, чье детство прошло в разгромленной Чечне, воюющем Карабахе или Абхазии, поистине живет ненавистью к своим иноэтническим обидчикам и лелеет мечту извести врагов под

корень, не считаясь ни с какими принципами гуманности. Национальная вражда, идеологическая ненависть, религиозная рознь - все виды идеологии, создающие "образ врага", дают тысячам и тысячам людей пусть примитивное, жестокое, но вполне реальное чувство смысла. Здесь присутствует и яркий интерес, и четкая цель, здесь строится проект долгой победительной борьбы, клокочет торжество грядущей мести, чувствуется сплоченность и единство со "своими". К великому сожалению, пути смыслосозидания через простые и грубые чувства нередко оказываются более короткими, эффективными, успешными, чем долгая и кропотливая работа любви, служения, гуманности.

Завершая нашу статью, обратимся коротко к такому сюжету, как стремление человека выйти из состояния временной смыслопотери. Если психика пребывает в норме, то человек, подверженный в данный момент депрессивному настроению, как правило, хочет от него избавиться. Можно сказать, что чувство смысла до конца почти никогда не исчезает из нашей жизни, если мы сохраняем ясный ум и способность критичности. При тоскливой обессмысленности и отсутствии желаний мы, по крайней мере, желаем вновь желать, понимаем, что "с нами творится что-то не то", и ищем для себя помощи. Стремление "вернуть чувство смысла" тоже может быть смыслом.

Мне кажется, что важным фактором такого возвращения могли бы быть специальные методики работы со способностью внимания. Внимание - это луч нашего сознания, направленный на конкретный фрагмент реальности, ибо охватить "весь мир" мы все равно не можем. Однако, очень много значит, на что именно падает взгляд, что становится объектом внимания. Этим объектом могут быть темные стороны действительности, которые приведут нас к углублению депрессии, к окончательной смыслопотере, ведущей в кабинет психиатра, или же светлые черты мира, способные самим фактом своего существования, своей яркостью и радостностью непосредственно сообщать чувство смысла. Пробудясь, чувство смысла непосредственно соединяется с содержательной стороной наших ориентиров и позволяет нам полноценно переживать мир и продуктивно в нем действовать. Должная направленность внимания, чувственно-смысловой толчок - и человек выходит из тяжелого морока, чтобы жить, творить, процветать.

Я понимаю, что в этом тексте не коснулась многих других моментов, способных восстанавливать для нас непосредственно переживаемый смысл, например факторов самоутверждения, однако тема чувства смысла велика, и охватить ее всю сразу не представляется возможным.

В заключение я хочу описать метафору, которая всегда возникает у меня при размышлении о чувстве смысла. Представьте детскую книжку-раскладушку в серой непривлекательной обложке без картинок. Книжка закрыта, она похожа на тусклый плоский камень, в ней нет ни света, ни игры, ни фантазии, один только угрюмый мрачный переплет смотрит на вас. А потом книжка открывается, и внутри нее вдруг распрямляются картонные фигурки, изображающие сказочную жизнь. Здесь сияют дивные пейзажи, веселятся ярко одетые люди, полыхают цветы. Фигурки объемны, они даже двигаются, и вы входите в волшебную сказку на равных и бродите в восторге по улицам уютных городов, и за каждым углом вас ждет прекрасная тайна.

Так и чувство смысла. Оно открывает для нас сказочность и притягательность мира, высвечивает его многогранность, манит таинственной далью - надеждой, любовью, победой. И так происходит всегда, даже если еще минуту назад мы не видели ничего,

кроме серой обложки.

ЛИТЕРАТУРА

1. Буркхардт Г. Непонятая чувственность // Это человек: Антология. М., 1995.
2. Леонтьев Д.А. Психология смысла. М., 1999.
3. Философский энциклопедический словарь. М., 1999.
4. Хайдеггер М. Бытие и время. М., 1993. § 37.
5. Эпштейн М.Н. Философия возможного. СПб., 2001.